

ВОЙНА

Цѣна отд. № 15 коп.

II-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

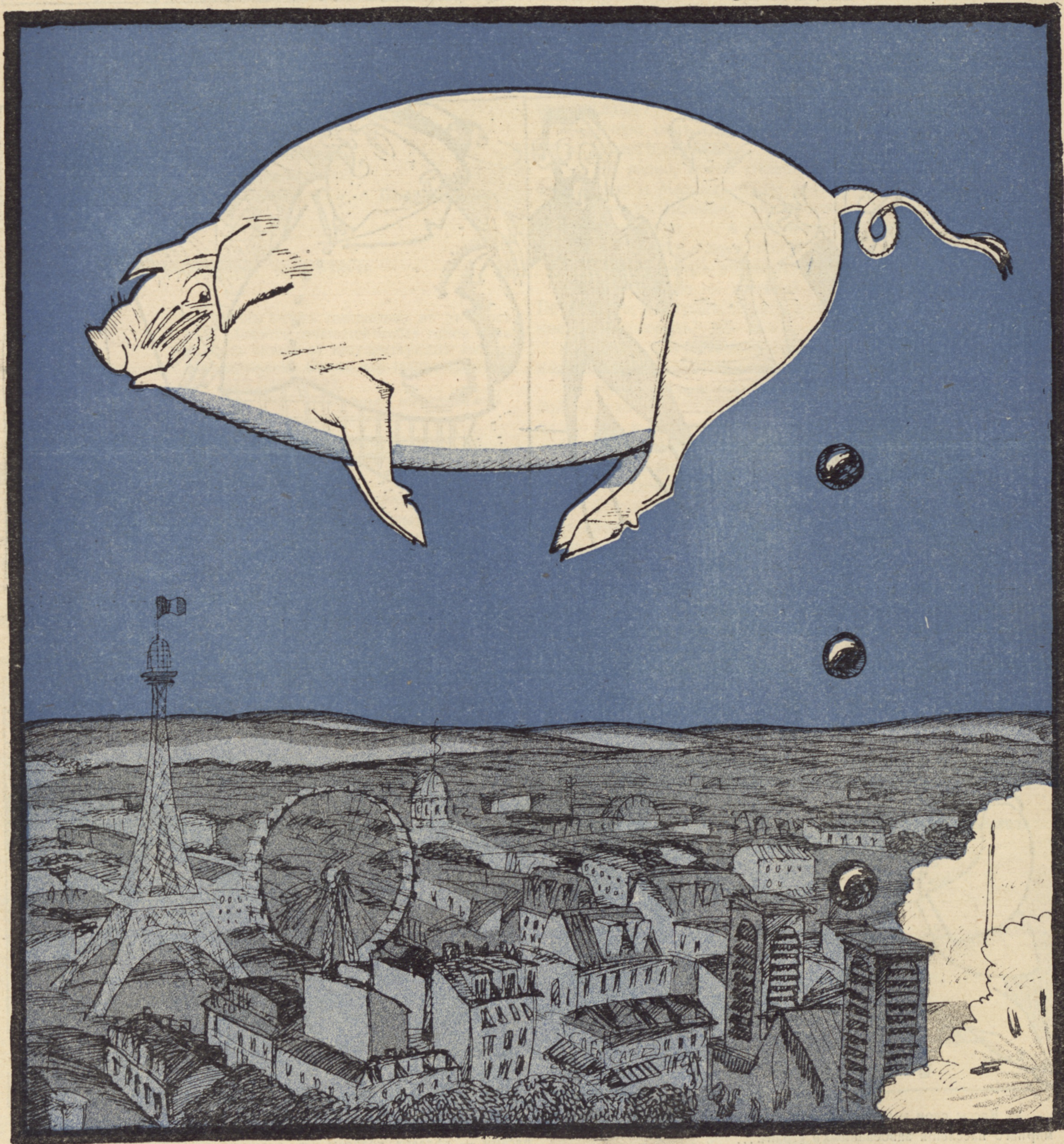
НОВЫЙ
САТИРИКОН

№ 36

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНІЕ

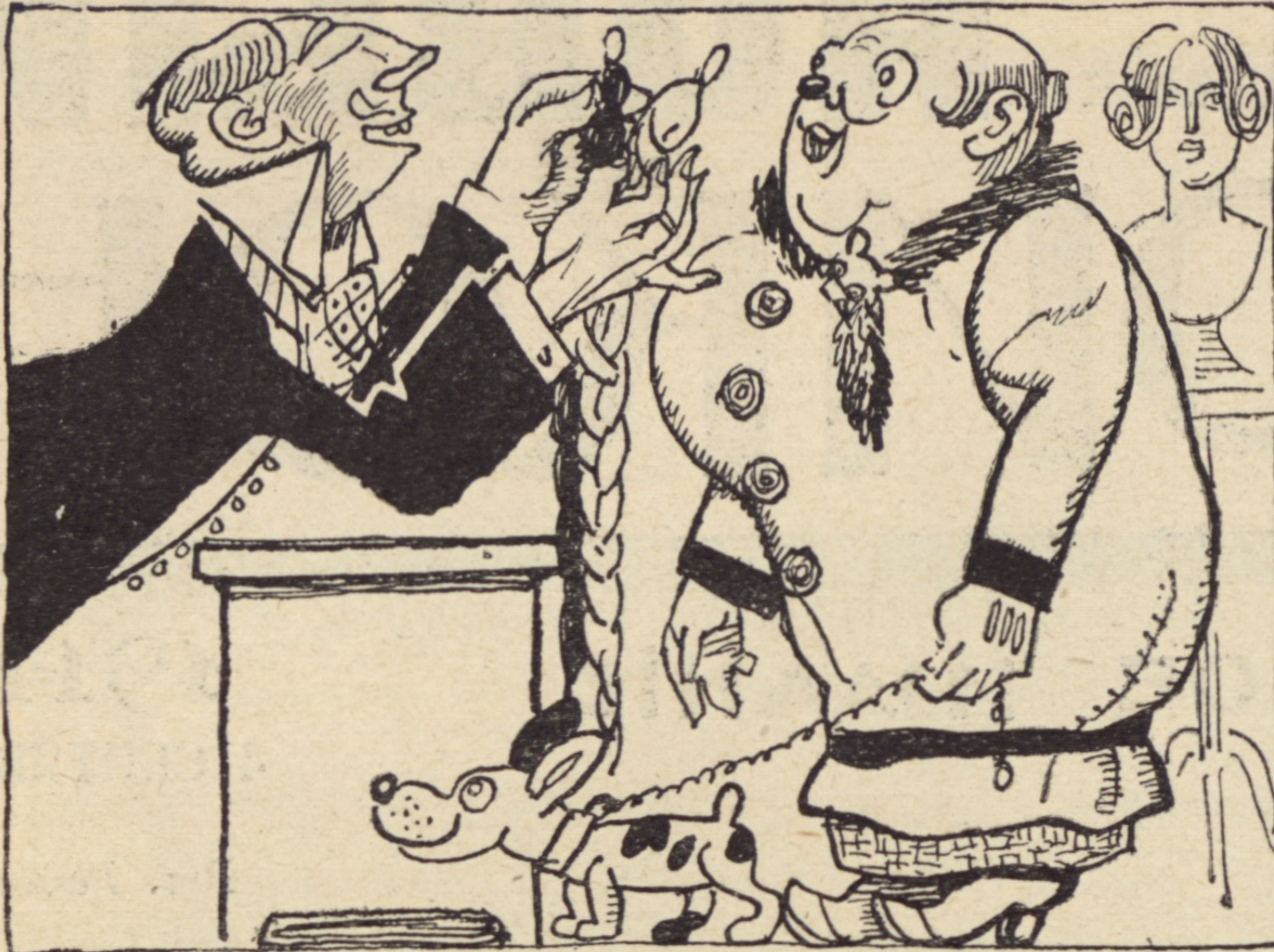
1914
4 СЕНТЯБРЯ.

Рис. Ре-ми.

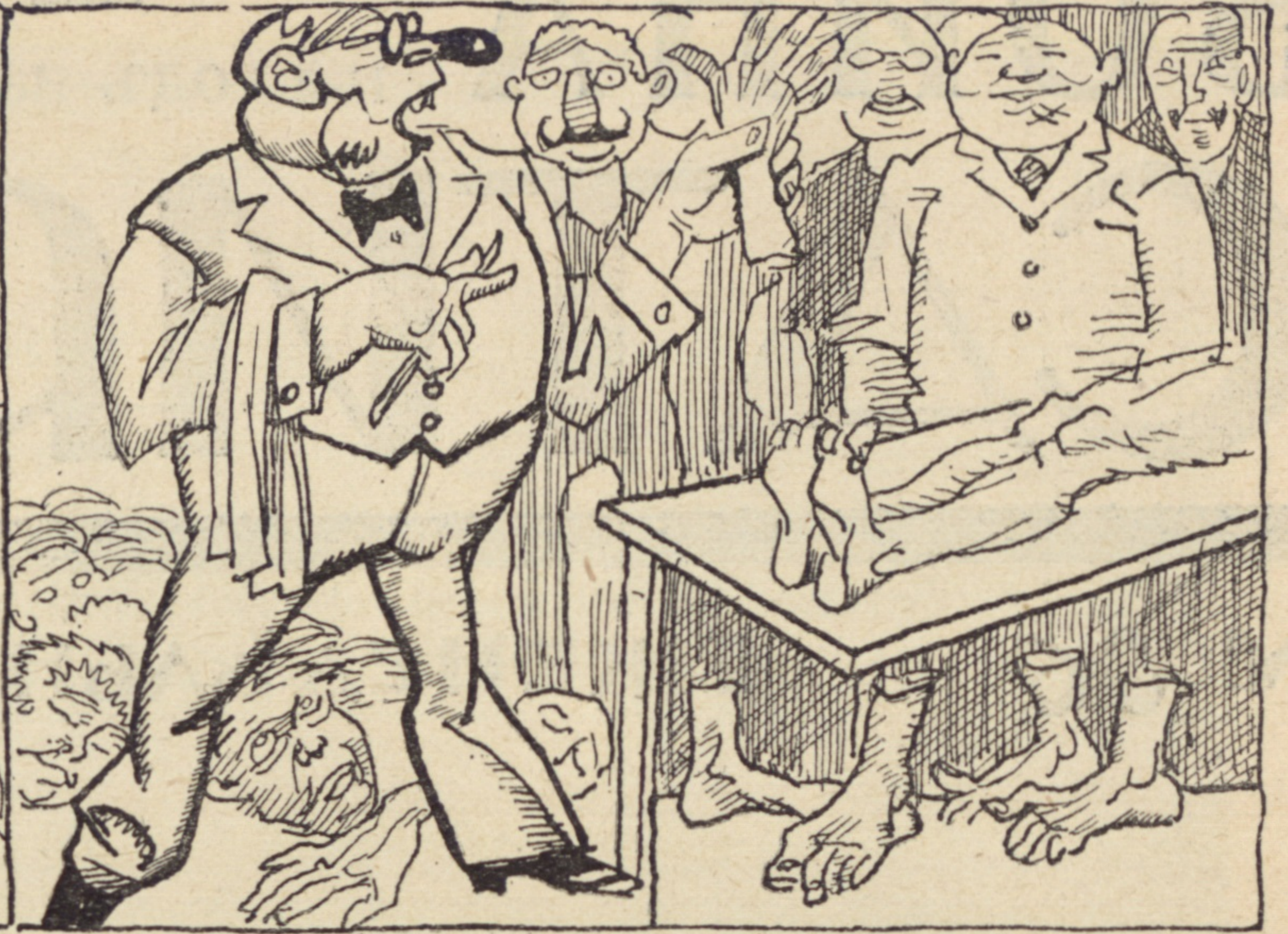

НѢМЕЦКІЙ ЦЕППЕЛИНЪ НАДЪ ПАРИЖЕМЪ.

Цеппелинъ: — Чего они раскричались на меня? Могу же я поступать сообразно своей породѣ!

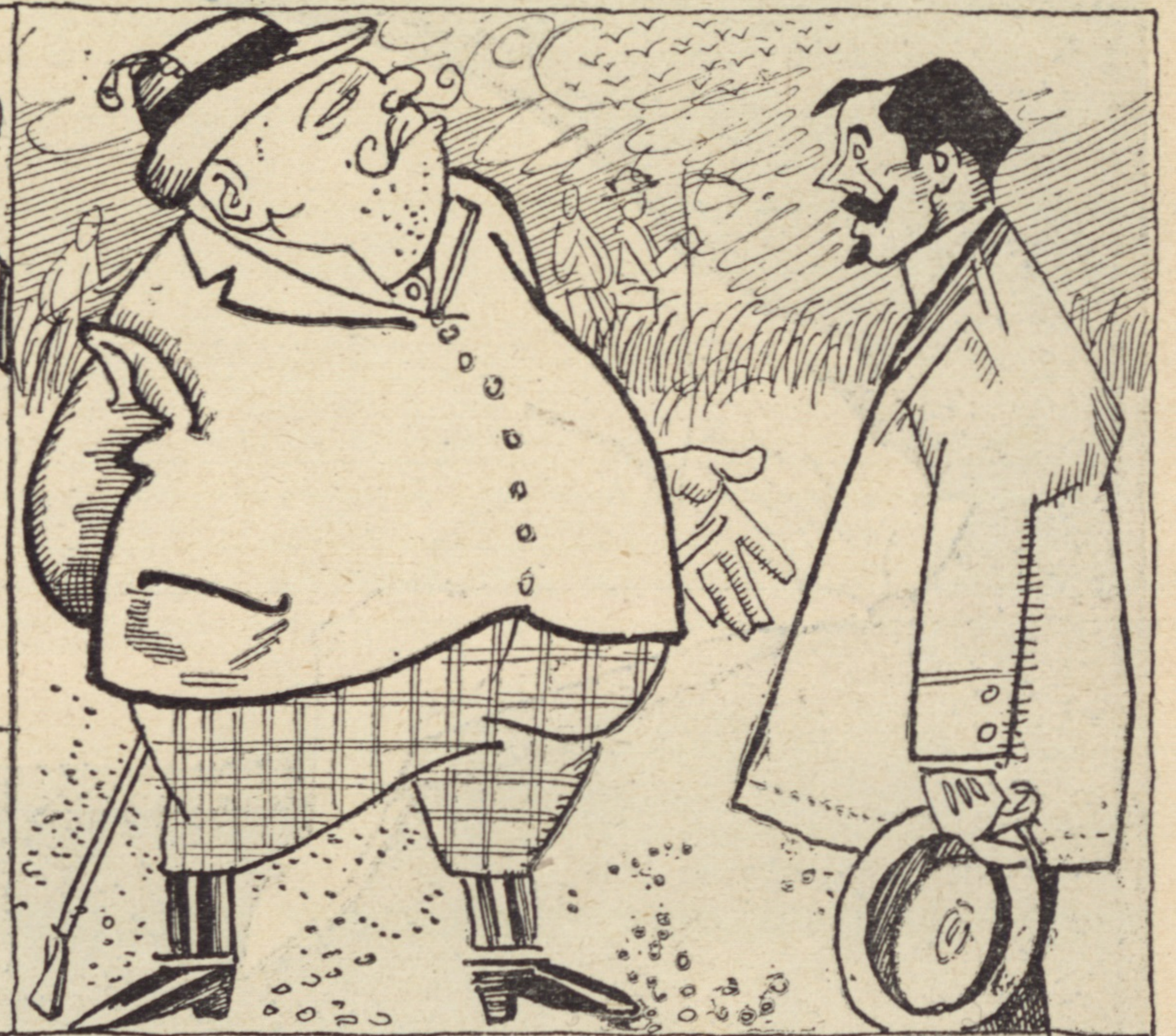
— О, мы, нѣмцы, очень практичны! У насъ ничего не пропадаетъ. Изъ хвостовъ убитыхъ на войнѣ лошадей мы дѣлаемъ нашимъ дамамъ превосходные шиньоны...

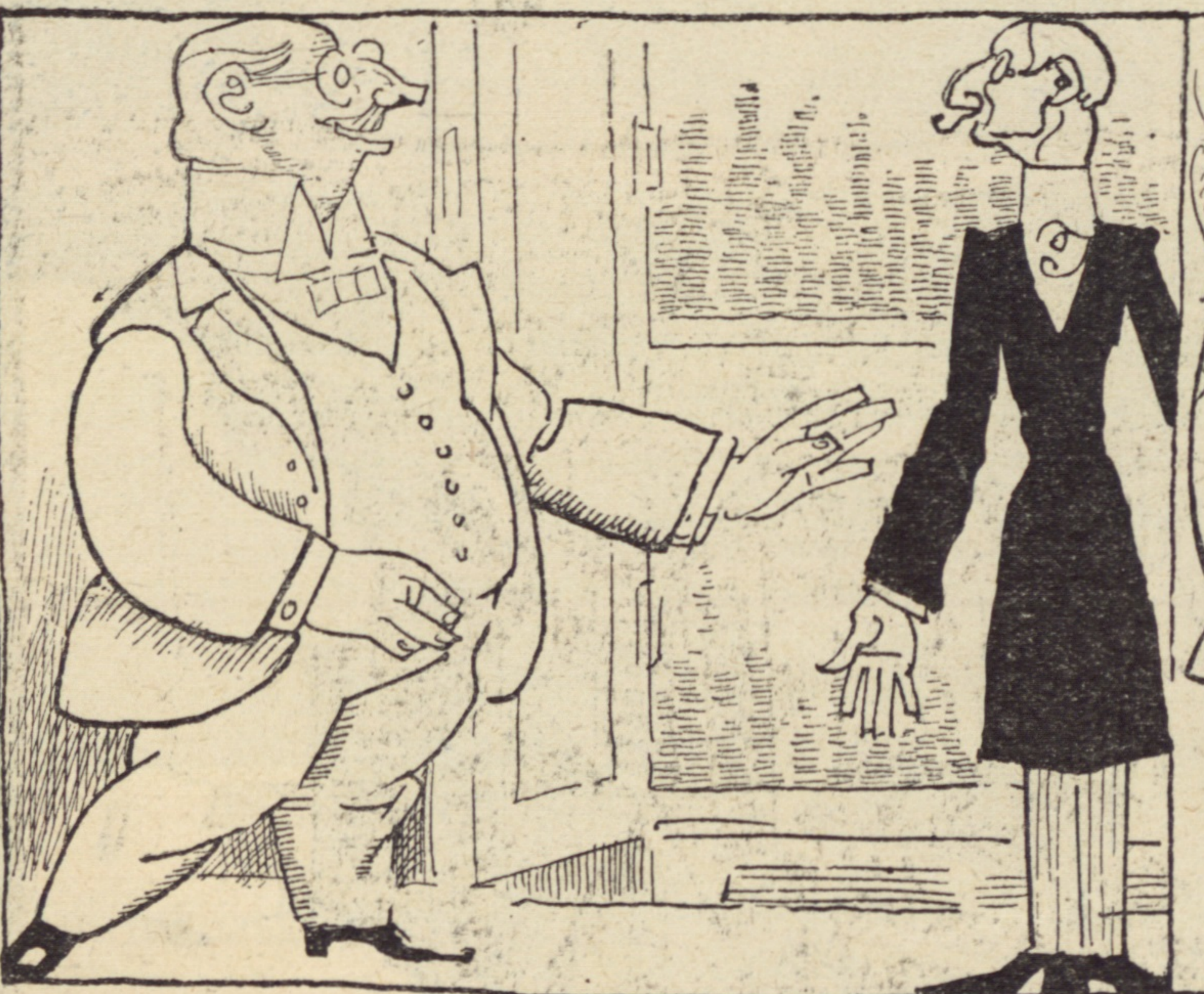
— На нашихъ убитыхъ герояхъ добрые берлинскіе бурши обучаются анатоміи...

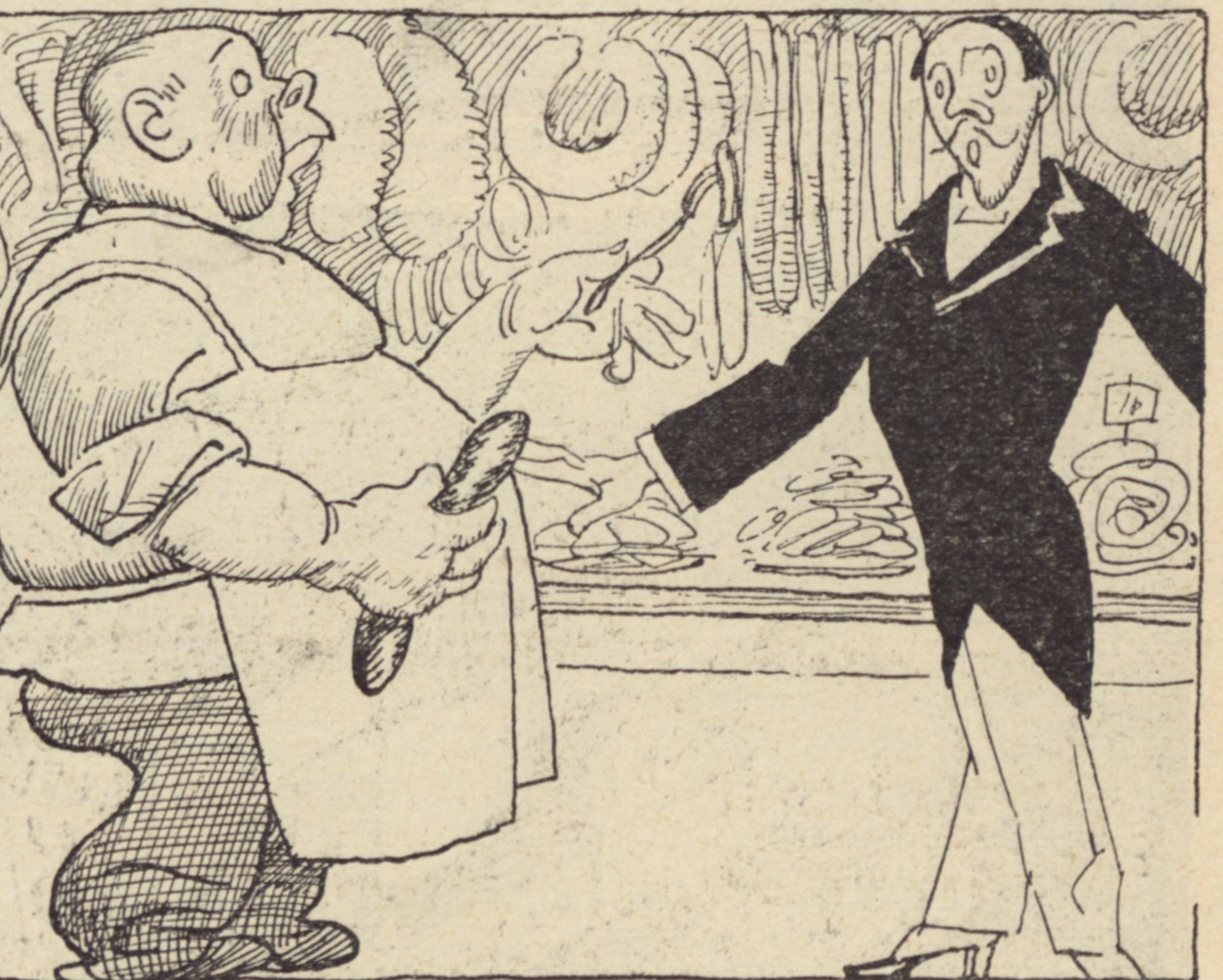
— Въ музеяхъ мы замѣнили скульптуру тѣлами убитыхъ нашими солдатами неприятельскихъ женщинъ!.. И, главное, хорошо то, что можемъ ихъ часто мѣнять: всегда имѣемъ свѣжій подвозъ.

— Поля свои обрабатываемъ задержанными въ Германіи русскими туристами и рабочими...

— Кассы свои мы наполняемъ деньгами, которыя содрали съ мирнаго населенія завоеванныхъ странъ...

— И, наконецъ, населеніе щедро обеспечиваемъ съѣстными припасами — дѣлаемъ колбасы изъ павшихъ на войнѣ нашихъ воиновъ. Фунтъ колбасы изъ простаго солдата стоитъ 1 марку, изъ лейтенанта — 3 марки, а генеральская, высшій сортъ — 10 марокъ.
О, нѣмцы самый практичный народъ!..

НЕОБХОДИМАЯ ПАРОДИЯ.

Какъ Вильгельмъ шель на войну
Во французскую страну —
Затрубили трубы мѣдныя
На потѣхи, на побѣдныя.
А какъ Фрицъ шель на войну
Во французскую страну —
Мать рыдала, убивалася;
Сердце кровью обливалось.

Какъ Вильгельмъ въ лихомъ бою
Проливаетъ кровь свою —
Окруженъ онъ пышной свитою,
Огражденъ штыковъ защитою.
А какъ Фрицъ въ лихомъ бою
Проливаетъ кровь свою —
Грудь-о-грудь съ врагомъ встрѣчается,
Алой кровью обливается.

Какъ Вильгельмъ пришелъ съ войны
На поля родной страны —
Онъ на факты опирается,
Оправдать себя пытается.
А какъ Фрицъ пришелъ съ войны
На поля родной страны —
На костыль онъ опирается,
Лечь въ могилу собирается.

Поль Домби.

СЧАСТЛИВЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Францъ Юсифъ совершенно не въ курсѣ дѣлъ. Для него печатается особая газета. Онъ раздаётъ ордена за несуществующія побѣды надъ русскими. Одинъ изъ такихъ орденовъ онъ далъ Вильгельму.

(Газетная телеграмма.)

— Ну что, внучекъ?
— Да ничего, дѣдушка... Такъ пришелъ.
— Такъ, такъ... Ну, какъ, что у насъ тамъ слышно? Солдатики мои гдѣ?
— Вездѣ, дѣдушка. Въ Кіевѣ ихъ ужъ очень много.
— Въ Кіевѣ? Скажи, пожалуйста... Приткіе они у меня... Чуть что — и въ Кіевѣ уже... Ну, а итальянцы-то что?
— Не съ ними воюемъ, дѣдушка. Солдатики-то въ Россіи.
— Въ Россіи, говоришь... Ну, ладно, въ Россіи — такъ въ Россіи. Я такъ вѣдь... Мнѣ все равно...
— Русскіе-то ничего. Встрѣчаютъ ихъ, папиросами угощаютъ, колбасой кормятъ. Ничего, не жалуются.
— А что жаловаться-то? Они имъ худа не сдѣлаютъ. Мои солдатики смиренные... Можетъ, кому орденъ дать?
— Дай, дѣдушка. Я тебѣ принесу изъ столика одинъ...
— Дамъ, дамъ, внучекъ. Худа отъ этого не будетъ... Кто у меня во Львовѣ-то?..
— Во Львовѣ? Генераль Рузскій, дѣдушка...
— Вотъ ему и пошло. Пусть защищаетъ хорошенько... У меня генералы хорошіе...
— Онъ защититъ, дѣдушка. Хорошій генераль... Только не стоитъ ему давать ордена.
— Да почему, внучекъ?.. Мнѣ не надо; умру — съ собой не возьму, дамъ ужъ ему... А?
— Не нашъ онъ, дѣдушка...
— Не нашъ, внучекъ? А чей же? Ты ужъ не скрывай отъ старика. Я тебя не выдамъ... Можетъ, нѣмецкій? — такъ я и нѣмецкому дамъ... Чего же ты молчишь-то?
— Тамъ къ тебѣ, дѣдушка, канцлеръ пришелъ...
— Ну, ладно... Канцлеръ — такъ канцлеръ... Всякій — человекъ... Мнѣ что, я вѣдь такъ... Пусть ужъ придетъ... Здравствуй, здравствуй, голуба... Дѣлаешь-то что?
— Вѣну засѣваемъ.
— А чѣмъ это? Чай, поди, горошкомъ душистымъ? Порадовать старичка хотите?
— Да нѣтъ, капустой.
— Капусткой? Люблю капустку. А какая она?
— Цвѣтная. Красиво будетъ. Хотѣлъ что-нибудь патриотичнѣе — шницелями по-вѣнски засѣять, что ли, да сѣмянъ не досталь...

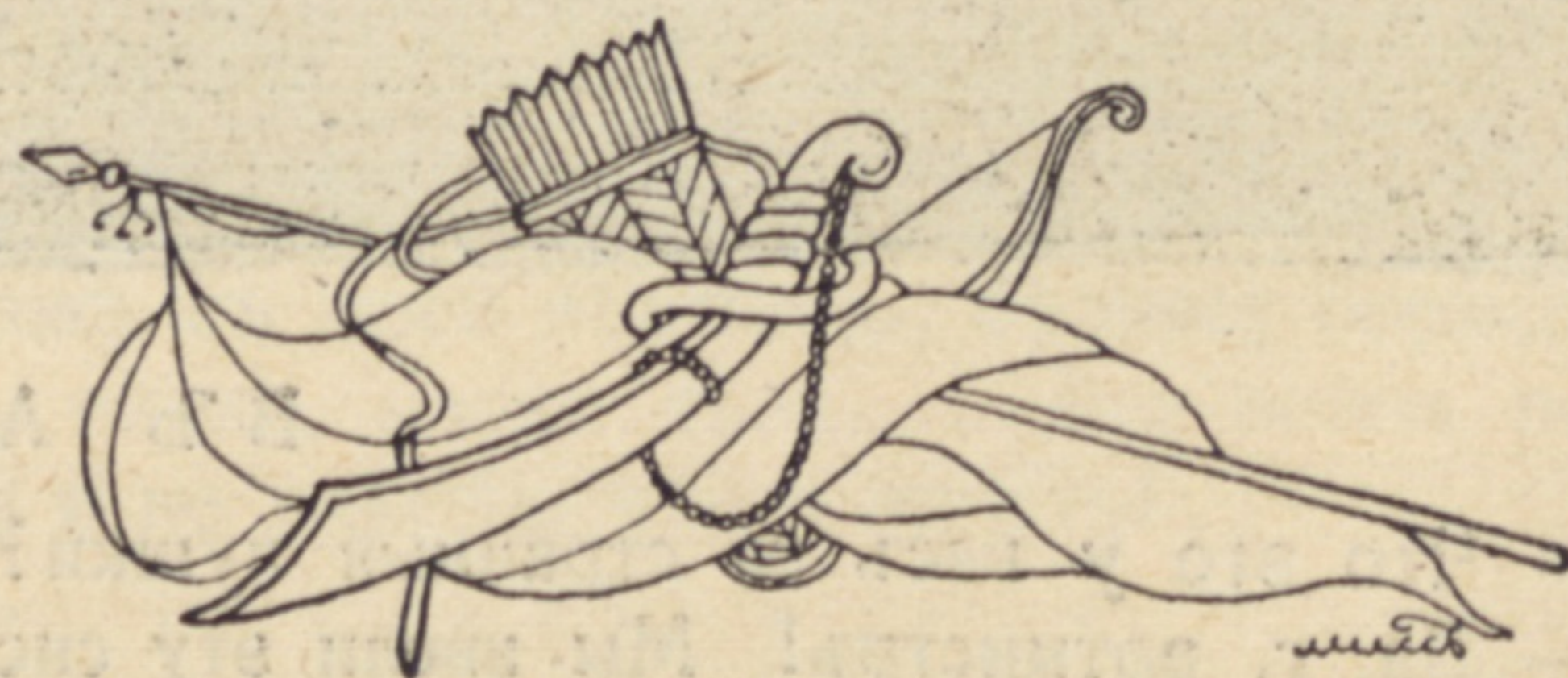
— Ну, сѣйте, сѣйте, дѣтки...
— Сѣемъ, сѣемъ. Газеты изволили читать?
— Принесли тутъ одну, да старенькую. Должно быть, забль кто. Смѣялся я — американцы-то каналъ прорываютъ... Шляпы еще такія есть... Зачѣмъ? Умрешь, съ собой не возьмешь, а они каналы-маналы... Да въ мелочахъ тутъ смѣшное — какъ одинъ французъ лопату съблъ...
— Насчетъ войны прикажете доложить?
— Ладно, рассказывай, только если что тамъ нехоршее — не тревожь старика... Дерутся-то хорошо?
— Прямо, можно сказать, смѣются надъ врагомъ — чехи, венгры тамъ или поляки прямо оружіе бросаютъ. Не можемъ, говорятъ, идти противъ русскихъ съ оружіемъ...
— Любятъ, любятъ они родину, солдатики... Ну, а еще что? Вотъ мнѣ внучекъ что-то рассказывалъ — генераль тамъ одинъ нехорошій...
— Ну, чего тамъ... Генераль великолѣпный и солдаты прекрасные... Въ одинъ мигъ городъ взяли...
— Взяли, говоришь? Какъ такъ взяли?..
— Нельзя же его было безъ боя отдавать.
— Да вѣдь нашъ городъ-то?
— Не извольте беспокоиться. Нашъ, нашъ...
— А Вильгельмъ-то что?
— Парижъ беретъ. Телеграмма есть. Подошелъ и беретъ.
— Скажи, пожалуйста... Ай да, Виля... Орденъ-то ему послали?
— Вчера самъ отсылалъ. Малой скоростью, а квитанція въ жилетѣ осталась.
— Ну ладно, послѣ отдашь. И сдачу тоже. А что же ему заодно и Мадридъ-то не взять?
— Это въ Испаніи. Не воюемъ.
— Смотри-ка... А мнѣ и невдогадъ, старику... Вотъ вчера шутъ былъ одинъ такой, большой, съ бородкой...
— Это министръ военный...
— Я и говорю — военный... Онъ что-то говорилъ — Петроградъ, Бѣлградъ, а мнѣ и покажись... А что это такое — Петроградъ?
— Такъ, пограничный городъ... Взяли его. Опубликовать бы... Подписали бы извѣщеніе?
— Ну что жъ, и подпишу... Мнѣ что. Умрешь, съ собой не возьмешь... Взяли, — такъ взяли...
— Ну, я пошелъ...
— До свиданья, голубчикъ... Заходи какъ-нибудь еще... Служишь гдѣ-нибудь?
— Канцлеръ я. Государственный.
— Государственный? Это хорошо... Жалованье, значить, получаешь... Хорошо, хорошо. Можетъ, орденъ хочешь?
— Да я...
— Да ты не стѣсняйся... Поди-ка вотъ туда... Да нѣтъ, — налѣво, вотъ тамъ, подъ коробочкой, возьми. Съ ленточкой тамъ одинъ лежитъ...
— Я такъ растроганъ...
— Да ты не огорчайся... Внучка-то позови мнѣ... Внучекъ!.. А внучекъ... Поди-ка сюда...
— Чего, дѣдушка?
— А расскажи-ка мнѣ, какъ мы русскихъ бьемъ...
— Хорошо, дѣдушка... Вы прилягте, а я расскажу... Идетъ это разъ миллионъ русскихъ, идетъ — пѣсни поетъ, а изъ лѣса какъ вдругъ выскочитъ нашъ полкъ... Какъ выскочитъ...

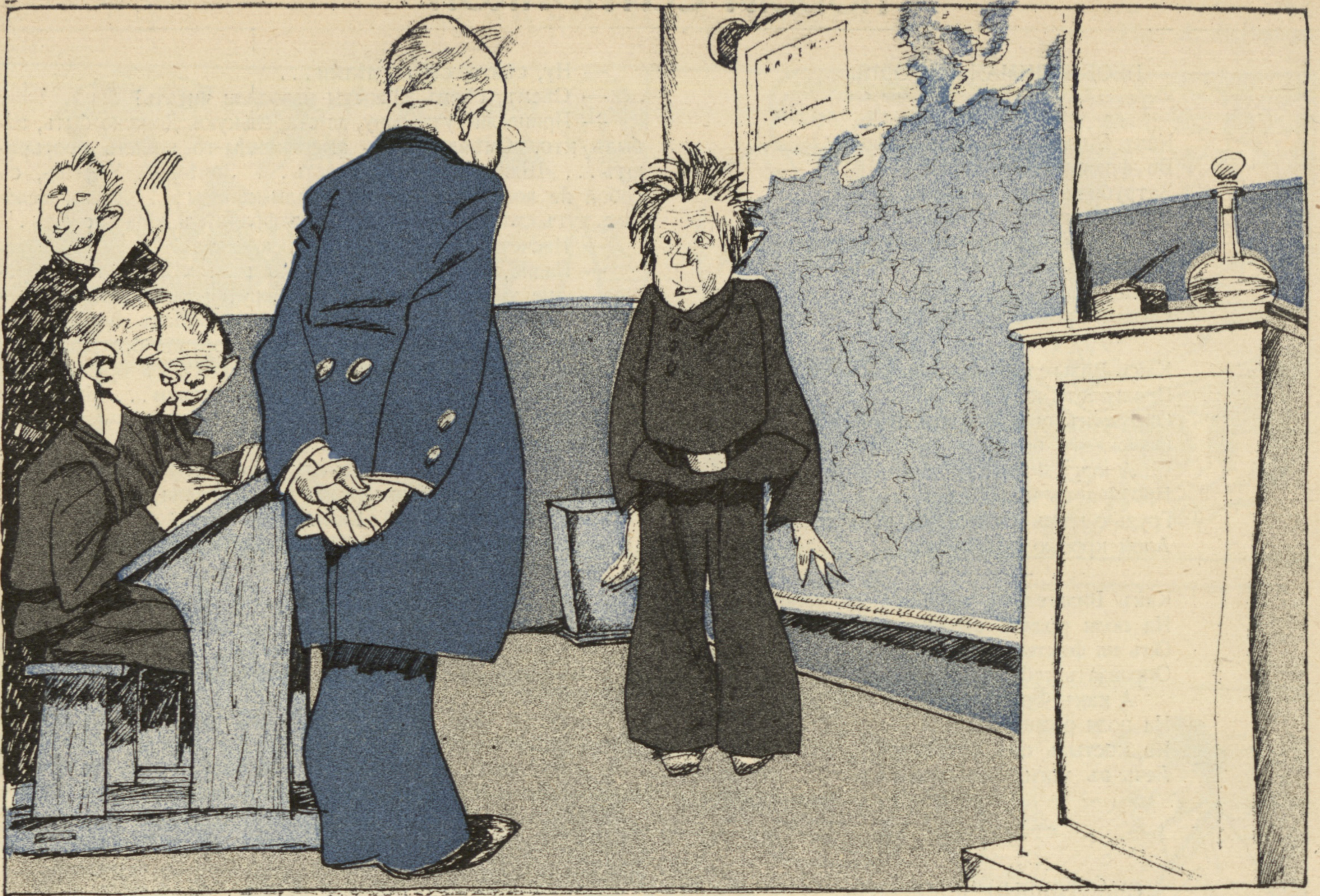
Арк. Буховъ.

ДІАЛОГЪ.

— Ваше Величество!
— Ну?
— Очень большое количество
Нашихъ въ плѣну.
— Все, братъ, отнимемъ у врага.
Впрочемъ, я радъ:
Больно кормить-то ихъ дорого.
Меньше сѣдять!

Е. В.

ЗЫБКАЯ НАУКА.

Учитель: — Ну, Петровъ, покажи же мнѣ на картѣ границы Россіи и Австріи!..
Петровъ: — Не могу, г. учитель: я еще не читалъ сегодняшнихъ телеграммъ!..

ВЪ АВСТРІЙСКОЙ АРМІИ.

— Что это у насъ за странныя пушки?! Онѣ, кажется, стрѣляютъ въ обѣ стороны.
— Да, г. ротмистръ! Мы ввели эту систему въ арміи потому, что наши солдаты очень ненадежны! Такимъ образомъ, мы воюемъ на два фронта.

У БРОШЕННОЙ ДЕРЕВНИ.

Усадьба.

Заслезилась пасмурная стекла...
 Дождь стучит, и капли — словно стонь...
 Ужъ трава осенняя поблекла
 И продрогъ простуженный балконъ...
 А она стоит одна въ забросѣ.
 Позабывая... ненужная давно,
 Только рѣдко вѣтеръ съ плачемъ броситъ
 Желтый листь въ разбитое окно...
 Жмутся въ кучу во дворѣ постройки,
 Посѣрѣлъ на ледникѣ камышъ
 И грустятъ разбросанныя койки,
 И шуршитъ подъ поломъ гдѣ-то мышъ...
 Приходилъ таинственный прохожій,
 Что-то жуткое онъ прошепталъ въ окно.
 Всѣ бѣжали... Плачь затихъ въ прихожей...
 А она вотъ — все понять не можетъ,
 Отчего такъ пусто и темно?..

Поле.

Рядъ промокшихъ, дымящихся рытвинъ
 И остывшаго поля просторъ, —
 Каждый вздохъ его грустно-молитвенъ,
 Каждый вздохъ его — тихій укоръ...
 Его горя никто не расскажетъ
 И никто никогда не пойметъ,
 Черный грачъ на межѣ, какъ на стражѣ,
 Тайну поля отъ всѣхъ бережетъ...
 За стволами изломанной рощи
 Ужъ не вьется дымокъ деревень...
 Надъ землею жъ тоскливѣй и проще
 Умираетъ чахоточный день...
 И на мѣстѣ, гдѣ пули кричали,
 Рвали лавры чужого вѣнца —
 Только пологъ осенней печали,
 Только скорбь безъ границъ и конца...

Братская могила.

Въ степи осенней и унылой,
 Изрытой лязгами копытъ,
 Надъ свѣжей братскою могилой
 Кривой сосновый крестъ стоитъ,
 Простой, какъ сердце тѣхъ, чьи думы
 Искали гдѣ-то сельскій домъ,
 Кто были сѣры и упрямы
 При встрѣчѣ съ бѣшенымъ врагомъ...
 Кто шли въ ряды безъ рабской боли,
 Чья вѣра такъ была проста...
 Они легли въ изрытомъ полѣ
 Подъ сѣрымъ знаменемъ креста...
 Туманный день... и даль безъ линий...
 Иду одинъ издалека,
 И передъ новою святыней
 Смирненно крестить лобъ рука...

Сергѣй Михѣевъ.

ОТСТАЛЫЕ ВЪ АРМІИ.

Всякій изъ васъ, читатели, встрѣчалъ, вѣроятно, въ своей жизни подобнаго человѣка.

Моего зовутъ Калакуцкій, и я о немъ уже писалъ («Человѣкъ, у котораго были идеи»).

Обыкновенно, не принято у писателей возвращаться къ

своимъ героямъ, но не виноватъ же я, что герой самъ возвращается къ писателю.

Онъ былъ у меня третьяго дня; до этого приходилъ въ связи съ настоящимъ рассказомъ — 14 мая текущаго года; а до этого — 18 октября 1905 года.

18 октября 1905 года, когда на улицахъ восторженные манифестаціи смѣнялись уже въ нѣкоторыхъ городахъ погромами и выстрѣлами, явился ко мнѣ Калакуцкій.

Конечно, у него и на этотъ разъ была идея.

— Хочу сейчасъ поднять въ газетахъ одинъ вопросъ, — сказалъ онъ, поглядывая на меня своими скорбными глазами.

— Именно?

— Хочу предложить русской прессѣ поднять голосъ въ пользу новаго пересмотра дѣла Дрейфуса.

— Чего-о-о?!.

— Дѣла Дрейфуса. Въ этомъ дѣлѣ, согласитесь сами, осталось много невыясненнаго. Многіе, заслуживающіе наказанія — благоденствуютъ; наоборотъ, другіе, заслуживающіе благодарности — страдаютъ. Согласитесь, это несправедливо. Теперь, когда этотъ вопросъ вступилъ въ болѣе спокойную полосу, будетъ легче...

— Послушайте! Да вы видѣли или нѣтъ, что у насъ на улицахъ дѣлается?

— Да, это тоже очень непріятно.

— Такъ, спрашивается, какому чорту нужно ваше дѣло Дрейфуса?!

— Вы думаете, это сейчасъ не заинтересуетъ?

— Абсолютно!!!

Онъ покорно вздохнулъ.

— Ну, до свиданья.

14 мая текущаго года онъ пришелъ съ другой идеей.

— Вотъ ужъ теперь-то я пришелъ къ вамъ съ идейкой, въ которую зубами вцѣпитесь!..

— Воображаю.

— И не вообразите даже. Скажите, могли бы вы принять близкое участіе въ большой эсъ-эрской газетѣ, которую я проектирую издавать?

— Теперь? Въ маѣ тысяча девятьсотъ четырнадцатаго года? Эсъ-эрская?

— Да.

— По-моему, вы знаете, что будетъ дешевле и практичнѣе? Забраться потихоньку въ «Кресты», открыть поддѣланнымъ ключомъ камеру и засѣсть въ нее добровольно.

— То-есть?

— То-есть, начать съ того, чѣмъ вся эта затѣя должна кончиться...

— Вы думаете, такая газета сейчасъ не ко времени?

— Да, милый!!! Да вы только вдум...

— Ну, ну, ладно. Ухожу, ухожу...

Третьяго дня (это было какъ разъ въ день полученія извѣстія о начавшемся крупномъ сраженіи на австрійскомъ театрѣ войны), снова ко мнѣ явился Калакуцкій.

— Ну, что? — иронически сощурился я.

— Да что... Усталъ бороться! Рѣшилъ окунуться въ область трезвыхъ практичныхъ поступковъ. Собираюсь сдѣлаться театральнымъ предпринимателемъ.

— Гм! — промычалъ я. — Выбрали времячко!.. Хотя, конечно, если идея оригинальная, имѣющая отношеніе къ современности, то...

— Идея совершенно оригинальная! Я хочу устроить въ рядѣ городовъ... знаете что?

Глаза его засверкали умомъ и смѣтливостью; хитрый огонекъ блисталъ въ нихъ.

— Ну?

— Хочу устроить въ рядѣ городовъ... рефераты о танго съ преніями и иллюстраціей... Каково?!! Вамъ, конечно, извѣстно, какъ лихорадочно публика интересуется этимъ танцемъ?

Скатываясь съ моей лѣстницы, бѣдняга бормоталъ:

— Охъ, плохи, плохи дѣла... Все война перепортила! Прямо-таки и не знаешь, что и начать!..

Аркадій Аверченко.

НОВОЕ УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ВЪ НѢМЕЦКОЙ АРМІИ.

При взятіи Лувэна были убиты и ранены дѣти. Нѣмцы приняли ихъ за „вольныхъ стрѣлковъ“. (Изъ газетъ.)

Рис. А. Радакова.

Нѣмецкимъ солдатамъ будутъ розданы увеличительныя стекла, чтобы они и впредь считали дѣтей за взрослыхъ.

ГРЯЗНЫЯ ПЯТНА.

Я буду говорить, главнымъ образомъ, о русскихъ консулахъ и нѣкоторыхъ русскихъ банкахъ.

Объявленіе войны застало меня въ Брюсселѣ. Къ этому готовились, и дня за три, за четыре началась денежная паника.

Въ кафе и магазинахъ перестали принимать бумажки, публика бросилась въ Національный Банкъ, требуя золото, серебро, мѣдь — что угодно, лишь бы развязаться съ кредитками, на которыя еще такъ любовались наканунѣ, и которыя вдругъ сразу сдѣлались злыми, прилипчивыми и безсовѣстными.

У воротъ банка стояли тысячи, съ тоскливой завистью провожая глазами счастливецъ, уходившихъ съ тяжелыми сумочками, мѣшочками и мѣшками.

Частные банки и мѣняльня лавки начали отвратительную игру на панику.

— Берепитесь акуль! — предупреждала по ихъ адресу пресса.

По русской привычкѣ я хватился поздно; въ портмонѣ, рядомъ съ тихой бумажкой въ двадцать франковъ, оказалось нѣсколько русскихъ сторублевокъ и франкъ мелочью.

Два дня питался «автоматически», опуская въ дырки то десять, то двадцать сантимовъ, и, наконецъ, принять мѣры — пошелъ къ консулу.

Правда, консуль оказался безпомощенъ, какъ новорожденный:

— Повѣрьте, — простираль онъ трепетныя руки. — Какъ помочь? Чѣмъ помочь? Сами въ долгъ живемъ...

Но все же у него оказался извѣстный запасъ доброй воли и хотѣнія помочь.

— Поѣзжайте въ Лондонъ, — совѣтоваль онъ. — У лондонскаго консульства средства громадныя.

И, что самое существенное, давалъ нуждающимся предусмотрительно заготовленные бланки съ просьбой со стороны консульства къ Бельгійскому Національному Банку — размѣнять подателю отъ ста до полутора рубля русскихъ денегъ.

Любезность Банка была выше всякой похвалы, и если боль-

шинству не удалось ее использовать, то уже по причинамъ, не отъ него зависящимъ.

Директоръ Банка любезно объяснилъ мнѣ, что русскія деньги мнѣ размѣняютъ въ отдѣленіи Петербургскаго международнаго банка.

— Мы снабдили для этой цѣли Петербургскій банкъ достаточнымъ количествомъ золота, — сказалъ онъ. — Тамъ лучше разбираются въ русскихъ билетахъ. Будьте покойны, вамъ размѣняютъ вполне прилично.

И, съ характерной для бельгійца вѣжливостью, пожелалъ мнѣ счастливаго пути и успѣха русскому оружію.

Я отправился въ Петербургскій банкъ.

— Сто шестьдесятъ, — скользнувъ взглядомъ по моей сторублевкѣ, сказалъ кассиръ. — Сто шестьдесятъ франковъ за сто рублей.

— Золотомъ? — спросилъ я.

— Бумажками. Золота нѣтъ. Вотъ все золото, что осталось въ банкѣ.

Онъ вынулъ изъ ящика и показалъ монету въ десять франковъ.

— Однако Національный Банкъ... — началъ я.

— Національный Банкъ потерялъ голову. Сегодня уже были сотни русскихъ и получали такъ: сто шестьдесятъ бумажками. И за то скажите спасибо.

— А эти бумажки, — уклоняясь отъ благодарности, спросилъ я, — ихъ-то вы мѣняете на монету?

— Нѣтъ. Виноватъ... будете мѣнять?

— Буду, — сказалъ я. — Только вы потрудитесь расписаться на моемъ бланкѣ, что болѣе этой суммы вы мнѣ предложить не рѣшаетесь.

Онъ взглянулъ на меня и задумался.

— Знаете что, — меланхолически предложилъ онъ. — Я вамъ дамъ двѣсти.

— Золотомъ?

— Нѣтъ, бумажками. Я же вамъ показалъ, что у насъ осталось, — поморщившись отъ моей безтактности, сказалъ онъ.

— Превосходно, — согласился я. — Только будьте добры, передайте господину директору мою карточку (я далъ редакціонный билетъ) и потрудитесь расписаться на бланкѣ, что размѣнять на золото вы не рѣшаетесь.

— Нѣтъ золота, — поправилъ онъ. — Да, да — нѣтъ. Что же это, на самомъ дѣлѣ, Банкъ путаетъ. Потерялъ голову.

Онъ повернулъ карточку, пожалъ плечами и медленно удалился.

— Всѣ русскіе могутъ получить по двѣсти золотомъ, — съ просвѣтленнымъ лицомъ сообщилъ онъ черезъ минуту. — Прекрасно... Чистымъ золотомъ, да-съ. Вотъ вамъ двѣсти золотомъ.

Онъ отсчиталъ десять монетъ по десяти и одну бумажку въ сто.

— Не совѣмъ чистымъ, — намекнулъ я.

Его лицо вспыхнуло негодованіемъ.

— Позвольте, наконецъ... вѣдь другимъ русскимъ ничего не останется!

— Останется. Прошу!

— А, чортъ!

— Чего вы ругаетесь?

— Держите! Вотъ, вотъ, вотъ... Довольно?! Получили?! Онъ хлопнулъ форточкой.

Да, получилъ. Золотомъ и съ потерей «только» въ 25%. Остальные теряли 40% и получали бумажками, чтобы размѣнять ихъ на золото у слѣдующей «акулы».

На второй день моего пребыванія въ Лондонѣ я встрѣтилъ трехъ русскихъ дѣвушекъ-курсистокъ, «размѣнявшихъ» по рекомендаціи консульства свои послѣднія деньги въ Русскомъ для внѣшней торговли банкѣ. За триста двадцать рублей онѣ получили 20 фунтовъ (около ста девяносто, по курсу).

Помня совѣтъ брюссельскаго консула, я отправился въ русское консульство въ Лондонѣ, «средства котораго были громадны».

— Мы можемъ дать десять шиллинговъ (около пяти рублей), — не давъ мнѣ открыть ротъ, сказалъ консуль.

Ахъ, это былъ прекрасный мужчина! Высокій, брезгливый, стройный, и совѣмъ англичанинъ, если бы не нѣмецкая фамилія и не полное отсутствіе уваженія къ той націи, которую онъ официально представлялъ.

— Десять шиллинговъ, — перешелъ онъ, по очереди, къ пожилой, измученной дамѣ, бѣжавшей съ дѣтьми изъ Германіи. — Какъ? Что?.. Вы меня поняли? — Десять шил-

линговъ. Какъ? Бѣжали... съ дѣтьми... Это насъ не касается. Мы ничего не знаемъ... Да, да, да, но это насъ не касается — мы можемъ вамъ дать десять шиллинговъ. Это все.

Все! И какая великолѣпная холодность и презрѣніе.

Фамилія этой изящной пародіи на гражданина, парадокса въ десять шиллинговъ — Эйкенъ. Баронъ Эйкенъ.

Что можетъ быть позорнѣе такой фигуры? Русскій консулъ въ Лондонѣ, въ величайшей и богатѣйшей столицѣ союзнаго намъ государства считаетъ исполненнымъ свой гражданскій долгъ, предлагая по пяти рублей русскимъ гражданамъ, застигнутымъ величайшимъ бѣдствіемъ — міровой войной.

Единственнымъ обстоятельствомъ, смягчавшее немного образъ г. Эйкена, — былъ его помощникъ, вице-консулъ Гамбсъ, который былъ, по крайней мѣрѣ, вдвое заносчивѣе и разъ въ шесть грубѣе.

Впрочемъ, извиняюсь, забыть... Дня три спустя, консульство раздобылось мелочью, которой, нѣкоторое время, ссужало публику; позже, кажется, снова обнищало и ограничивалось одними совѣтами. Послѣдними избѣгали пользоваться, какъ за негодностью, такъ и за грубостью г. Гамбса.

Слѣдующимъ, по порядку, русскимъ консуломъ былъ г. Кронъ (если не ошибаюсь) въ Бергенѣ. Обладая добрыми глазами и мягкимъ подбородкомъ, онъ, однако, не смогъ принести всей пользы, на которую могъ быть способенъ языкомъ. Но поздоровался и попрощался онъ очень привѣтливо, что пришлось особенно оцѣнить при свиданіи съ русскимъ консуломъ въ Стокгольмѣ, г. Муссури.

При быстромъ и поверхностномъ осмотрѣ города г. Муссури показался мнѣ и моимъ спутникамъ единственнымъ его недостаткомъ.

Строго говоря, мы видѣли только часть и, надѣюсь, далеко не лучшую часть г. Муссури, насколько это допускала пріотворенная на цѣпочкѣ дверь его квартиры.

Могу засвидѣтельствовать, что принимать на площадкѣ лѣстницы не шведская привычка; на примѣръ, шведскій консулъ въ Брюсселѣ, какъ я самъ убѣдился, проситъ публику ждать въ гостиной, а принимаетъ — въ кабинетѣ.

Строго говоря, мы позволили себѣ по отношенію къ г. Муссури большую неделикатность... Пришли вмѣсто одиннадцати утра безъ четверти десять. Правда, въ качествѣ оправданія у насъ было то обстоятельство, что поѣздъ къ пароходу въ Гефле отходилъ въ 10 ч. 20 м., и публика, а въ особенности семейныя дамы ужасно интересовались мнѣніемъ консула о нѣмецкихъ минахъ и крейсерахъ въ Балтійскомъ морѣ.

Съ одной изъ такихъ неуравновѣшенныхъ дамъ мы встрѣтились у подъѣзда консула.

— Не принимаетъ! — съ отчаяніемъ махнула она рукой. — И не ходите. Въ одиннадцать.

Но мы пошли. Отбили первое нападеніе горничной, которая черезъ минуту вернулась и просунула намъ, черезъ цѣпочку, злобную коротенькую записку, карандашомъ, въ четырехъ словахъ:

— Консульство открыто въ одиннадцать.

Мы не дали ей захлопнуть дверь и на обратной сторонѣ записки, въ настойчивой формѣ, повторили нашу просьбу.

Черезъ пять минутъ въ узкой щели показалась часть пожилого человѣка, небритый подбородокъ и негодующій носъ.

Плюясь и путаясь отъ возмущенія, консулъ намъ объяснилъ, что такое безобразіе не можетъ продолжаться вѣчно, что этотъ «безпорядокъ» длится уже три недѣли, что всѣ пароходы одинаково прекрасны, и что всякій нашъ вопросъ отнимаетъ у него время.

Звякнулъ цѣпью и пропаль.

Русскіе консулы...

У большинства моихъ спутниковъ и спутницъ сложилось о русскихъ консулахъ такое представленіе — родъ не совсѣмъ стройной теоріи: русскій консулъ не можетъ быть приличнымъ. Органически не можетъ, — вслѣдствіе особаго устройства луковицъ, сосудовъ и тканей.

Я думаю, что это не такъ.

На примѣръ, въ Христианіи мы встрѣтили живого консула, который, при видѣ насъ, прежде всего спросилъ, не нуждаемся ли мы въ помощи. И предложилъ помощь, которою кое-кто и воспользовался.

Фамилія этого неестественнаго консула-гражданина Верховцевъ.

А, впрочемъ виноватъ... Онъ только замѣщаль отсутствовавшего настоящаго консула...

Дай Богъ тому, настоящему, отсутствовать подольше. Можетъ быть, онъ и хорошій, а все же... консулъ.

А, вѣдь, и среди банковъ — я, право, не знаю — должны же быть и приличные.

Въ томъ же Лондонѣ Азіатскій Банкъ мѣнялъ порядочнѣе «внѣшняго» процентовъ на двадцать.

А одна бѣдная дѣвица чуть не со слезами рассказывала, что ей и совсѣмъ размѣняли, полностью, «какъ ни въ чемъ не бывало».

Вообще, во всякой средѣ попадаются исключенія.

Георгій Ландау.

СТРАТЕГЪ И КАРТА.

Басня.

Шли по Морской лихихъ стратеговъ двое
И разсуждали о войнѣ.

— «По мнѣ, —

Сказаль одинъ, — то мыслимо вполнѣ!

Германцы побѣдить не могутъ въ этомъ боѣ!

Есть доказательствъ тѣма; возьми любое:

Ну, хорошо, возьмутъ германцы Льежъ.

Ужель потомъ они помчатся сдуру

Къ Намюру?

Да смыслъ элементарный гдѣ жъ?! —

Про переходъ твердишь ты скорый,

Но забываешь ты, что здѣсь крутыя горы! —

На карту посмотри! —

Да послѣ горъ — пролива два иль три,

А послѣ нихъ врагу предстанетъ вскорѣ —

Море!

Стремителенъ, дружокъ, ты черезчуръ:

Не такъ легко попасть въ Намюръ!..»

Стратегъ мой приводилъ едва ль не больше часу

Несуществующихъ препятствій массу.

Но почему освѣдомленъ онъ такъ?

На Невскомъ «карту» онъ купилъ за четвертакъ!

Коль хочешь утолить стратега жаръ ты, —

Не покупай «военныхъ дѣйствій карты»!

Недотыкомка.

Рис. А. Радакова.

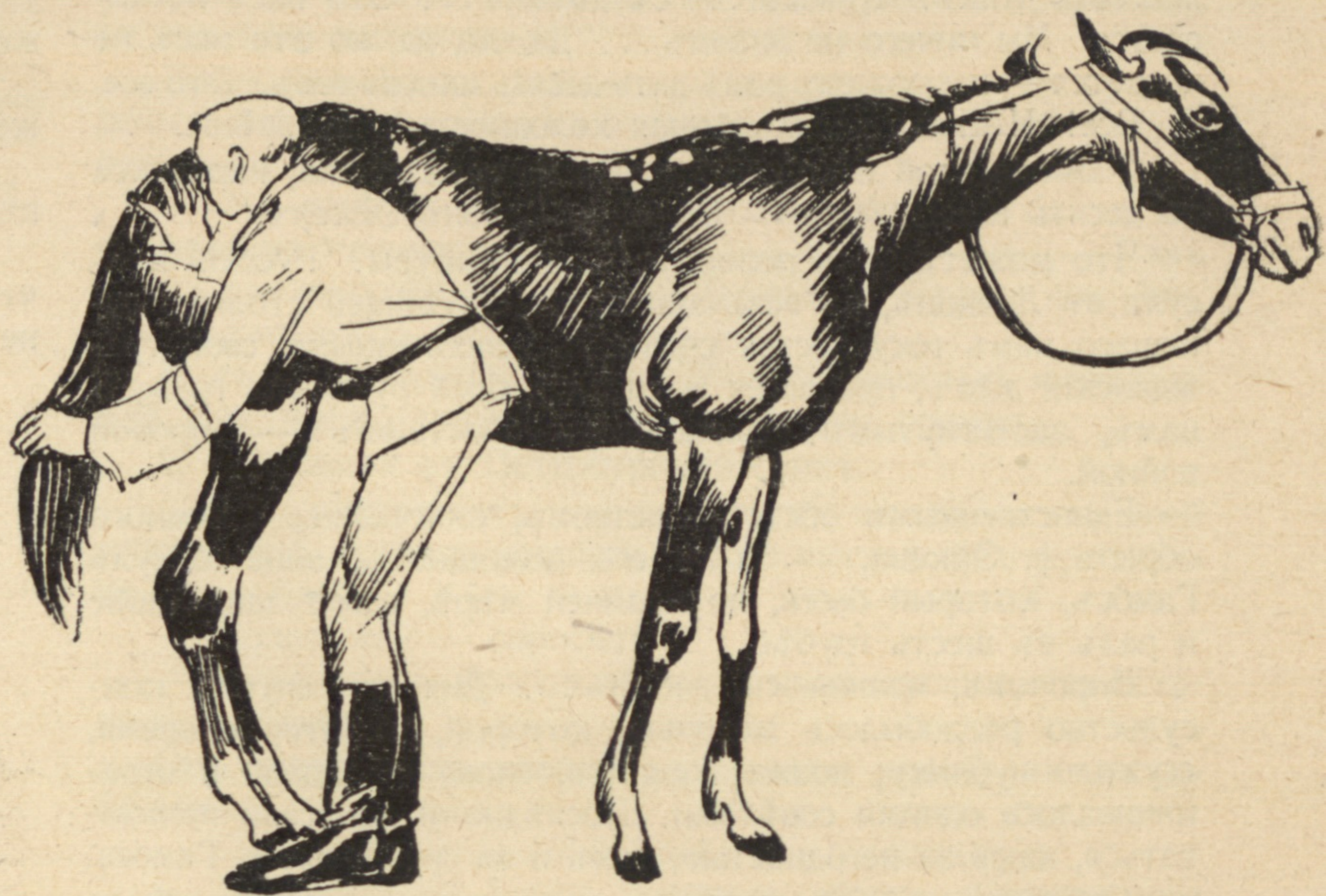
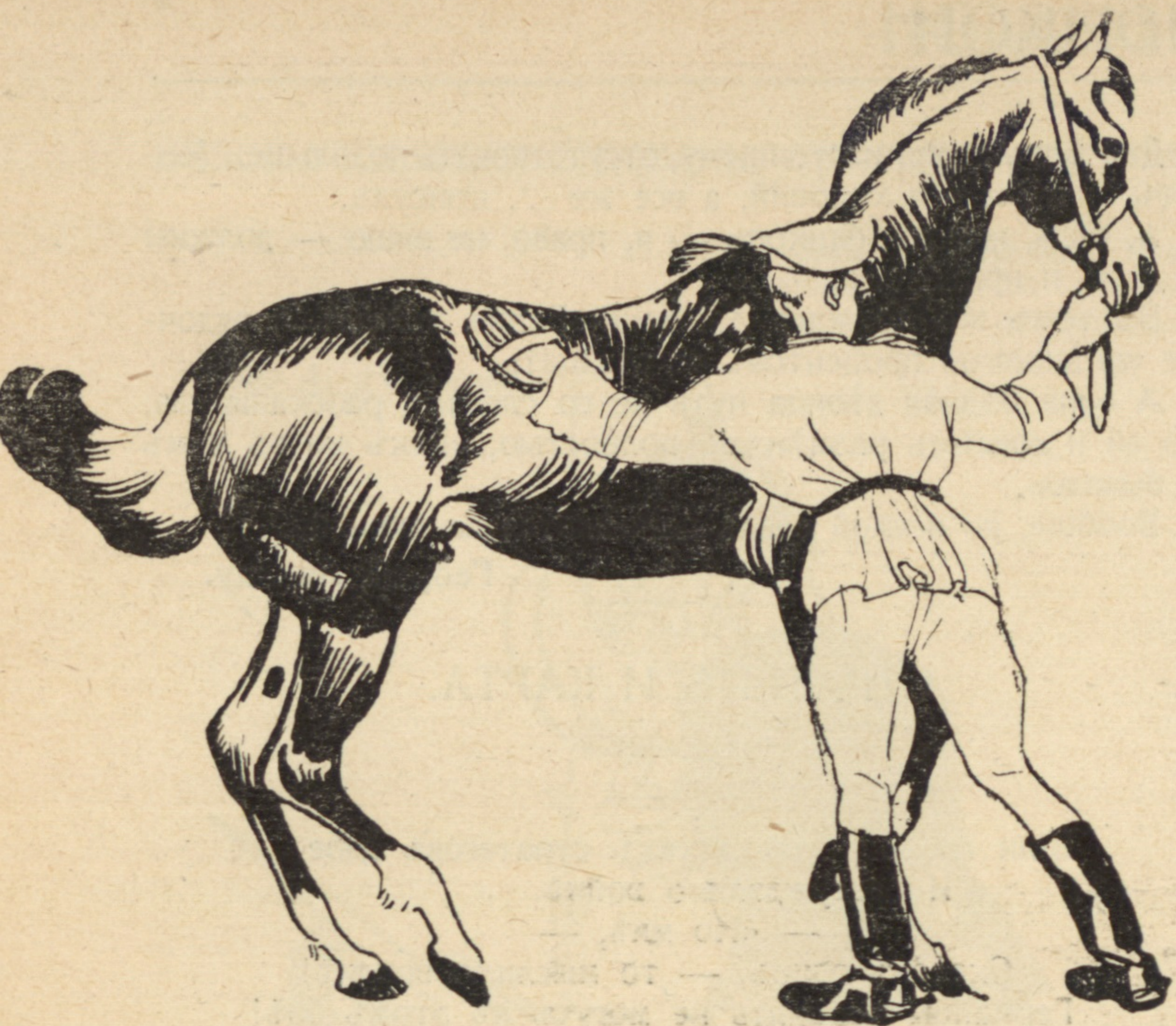

ТРАГЕДІЯ ПАТРИОТКИ.

Въ Германіи не хватаетъ бензина
для моторовъ и аэроплановъ.

(Изъ газетъ.)

— Боже мой! Научи, какъ мнѣ поступить! Послать ли этотъ пузырекъ съ бензиномъ въ армію для мотора — или вычистить пятна на штанахъ и тужуркѣ моего мужа?!

КАЗАЧЬИ ПѢСНИ.

I.

Разлучная.

То не бѣлые туманы
 Пали на лиманы,
 То не тучи чередою
 Стали надъ водою...
 То — прошли мои денечки,
 Миновали ночки,
 И глаза мои слезами
 Замутились сами:
 Какъ ушелъ по доброй волѣ
 Во чистѣ поле,
 Какъ пошелъ за атаманомъ
 Биться съ басурманомъ, —
 Я забыла — что такое
 День пребыть въ покоѣ,
 Безъ тебя, моя отрада,
 Ничему не рада.
 Ночью выйду изъ станицы,
 Сяду у криницы, —
 Замираетъ ретивое,
 Словно не живое.
 Вспоминаю наши встрѣчи,
 Дорогія рѣчи,
 Вспоминаю наши ночи,
 Да казачьи очи;
 Какъ стояла возлѣ луга,
 Поджидая друга;
 Гдѣ легла на берегъ кладка, —
 Цѣловались сладко,
 У зеленого, у дуба —
 Обнимались любо,
 А во темномъ, во садочкѣ —
 Коротали ночки.
 Подойду теперь къ левадѣ,
 Прислонюсь къ оградѣ,
 Проклянью свою удачу
 И тихонько плачу:
 Вспоминаю все, что любо,
 И не вижу дуба;
 Вспоминаю крѣпко друга
 И не вижу луга...

Владиміръ Воиновъ.

ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ.

Битва мертвецовъ.

Если вы пересмотрите всю русскую беллетристику за 100 лѣтъ — вы всюду наткнетесь при описаніи нѣмца на эпитетъ „добродушный“.

— „Добродушный нѣмецъ-хозяинъ встрѣтилъ путешественниковъ“.

— „Это былъ краснолицый добродушный нѣмецъ“.

— „За столомъ сидѣла веселая компанія добродушныхъ нѣмцевъ, попивая пиво“.

Это беллетристика.

Теперь — жизнь.

„День“ пишетъ: „Достовѣрные люди передаютъ слѣдующій эпизодъ: командиръ одного изъ нашихъ кавалерійскихъ полковъ былъ раненъ и остался лежать. Очнувшись и пошевелившись, онъ слышитъ выстрѣлъ и, приподнявшись, видитъ, что невдалекѣ, приподнимаясь съ земли, цѣлится въ него раненый нѣмецкій офицеръ. Между ранеными началась перестрѣлка. Русскому удалось застрѣлить нѣмецкаго офицера, но сейчасъ же съ другой стороны изъ груди тѣмъ послышался новый выстрѣлъ. Это другой нѣмецкій раненый пытался застрѣлить русскаго офицера. У послѣдняго хватило силъ застрѣлить и этого нѣмца“.

Страшно...

Битва нѣмцевъ съ кабардинцами.

Турки проводятъ время шумно и весело. Пульсъ общественной жизни бьетъ во всю:

Сообщаютъ, что на Энверъ-бея не было произведено покушенія офицерами, какъ сообщалось раньше, а онъ просто былъ раненъ наследникомъ престола, котораго раздражило какое-то рѣзкое замѣчаніе Энвера во время бесѣды.

Въ разыгравшейся послѣ этого свалкѣ были убиты германскій полковникъ, бросившійся на помощь Энверъ-пашѣ, и адъютантъ Энвера.

Если въ этой суматохѣ наследнику престола и попала пара-другая затрещинъ, то, судя по общему тону „инцидента“, — это по турецкимъ обычаямъ вполнѣ допустимо...

Придворные турецкіе обычаи.

Впрочемъ, турки держатъ себя непринужденно не только при наслѣдникѣ престола, но и при султанѣ.

Въ Константинополѣ состылось подѣ предсѣдательствомъ султана чрезвычайное засѣданіе совѣта министровъ съ участіемъ командировъ корпусовъ, начальниковъ частей, штабовъ и видныхъ представителей партій.

Совѣщаніе носило чрезвычайно бурный характеръ и едва не закончилось убійствомъ предсѣдателя комитета „Единеніе и Прогрессъ“ Измидъ-бея, выступившаго съ горячей рѣчью-протестомъ противъ политики Энверъ-паши, которая неминуемо доведетъ Турцію, по мнѣнію Измида, до гибели. *Энверъ-паша бросился на Измидъ-бея съ обнаженной шапкой, и лишь вмѣшательство султана предотвратило кровавую развязку.*

— Отъ убійцы Назимъ-паши я не жду добра ни себѣ, ни своей отчизнѣ, — воскликнулъ Измидъ-паша и оставилъ залъ засѣданія, тутъ же закрытаго султаномъ.

— Господа! — кричалъ султанъ, бросаясь къ дерущимся. — Такъ же нельзя, что же это такое?..

— Э, не до тебя тутъ, — огрызнулся Энверъ-паша, давая подзатыльникъ Измиду.

Успенскій о нѣмцахъ.

„Русскія Вѣдомости“ цитируютъ старый рассказъ Глѣба Успенскаго:

Въ рассказѣ Глѣба Успенскаго „Выпрямила“ сельскій учитель Тянушкинъ возмущается при одной мысли о томъ, что пруссаки могли бомбардировать Лувръ и повредить Венеру Милосскую. „Представить себѣ, что какой-то кусокъ чугуна, пущенный дуракомъ, наѣвшимся гороховой колбасы, могъ бы раздробить это въ мелкія дребезги, мнѣ казалось такимъ злѣдѣйствомъ, за которое нельзя отомстить всѣми жестокостями, изобрѣтенными на свѣтѣ... Какіе подлецы! Еле-эле додумаются до гороховой колбасы и смѣются!“

Именно Венеры Милосской нѣмцамъ и не жалко.

— Все равно, — думаютъ, — она безъ рукъ — куда ее?..

Заманчивое.

Сообщаютъ, что германское посольство предложило Турціи, если она ее поддержитъ, отдать четвертую часть контрибуціи, которая будетъ получена съ Франціи.

Предложеніе это настолько заманчиво, что туркамъ въ отвѣтъ на него только и остается раздѣть генерала фонъ-Сандерса, вымазать медомъ и, обвалявъ въ перья, погнать это пернатое къ Вильгельму.

Пусть тогда эта сорока щебечетъ на собственномъ деревѣ.

Гастроли русской лошади.

Корреспондентъ „Петрогр. Газеты“ рассказываетъ:

Въ городахъ и мѣстечкахъ, прилегающихъ къ Берлину, вывѣшены на столбахъ официальныя сообщенія, въ которыхъ говорится, что въ Берлинъ будетъ доставленъ отрядъ взятыхъ въ плѣнъ русскихъ казаковъ.

На другой день появилось извѣщеніе, что на площади въ Берлинѣ показываютъ взятыхъ въ плѣнъ казацкихъ лошадей.

— „Входъ по билетамъ“, — добавлялось въ сообщеніи.

На площади собралась толпа.

Вывели какую-то лошадь.

Толпа собравшихся нѣмцевъ встрѣтила ее криками.

Лошадь ржала, нѣмцы ржали и, вообще, было очень весело.

Потомъ лошадь допрашивали о расположеніи русскихъ войскъ.

Благородное животное отвѣтило, что русскія войска совсѣмъ не расположены къ нѣмцамъ.

Послѣ этого лошадь была засушена въ книжкѣ на память о нѣмецкой побѣдѣ.

Французы и нѣмцы.

Корреспондентъ описываетъ жизнь Парижа, который долженъ быть осажденъ съ минуты на минуту:

Кошмаръ проходитъ.

Въ саду Пале-Рояля старикъ сторожъ собралъ сотни воробьевъ и продѣлываетъ съ ними всякіе фокусы. Воробьи его знаютъ, ничуть не боятся. Онъ командуетъ:

„На траву!“

Они летятъ на траву.

„На дорожку!“

Воробьи летятъ на дорожку.

Потомъ старикъ подымаетъ руки и говоритъ:

„Сюда, мои маленькіе авіаторы!“ ...

Кругомъ толпа, смѣются, даютъ су. Милый Парижъ! Онъ вѣренъ себѣ и въ эти тяжелыя минуты.

Въ вѣнскихъ садахъ сторожа продѣлываютъ фокусы съ воробьями, вѣроятно, гораздо проще: просто ловятъ ихъ и сѣдаютъ.

Электрическая перебранка.

ГАЛАЦЪ. Стоящіе въ здѣшнемъ порту большіе румынскіе пароходы, имѣющіе станціи радіотелеграфа, аккуратно „слушаютъ“ сообщенія о ходѣ войны, которыя даются для общаго пользованія французами съ Эйфелевой башни.

Нѣмцы со своихъ судовъ также даютъ въ пространство для общаго пользованія радіотелеграммы о своихъ успѣхахъ.

Капитанъ одного изъ румынскихъ судовъ рассказываетъ много любопытнаго про эти „аэрогазеты“:

— Слышимъ какъ-то, — рассказываетъ онъ, — нѣмцы по радіотелеграфу сообщаютъ о своемъ побѣдоносномъ шествіи на Францію. Вдругъ вмѣшивается Эйфелева башня и сообщаетъ:

— Нѣмецкія депеши — сплошная ложь, просятъ не вѣрить.

Нѣмцы вступаютъ въ полемику. Начинается перебранка, формальная словесная война, за всѣми перипетіями которой съ интересомъ слѣдятъ суда всѣхъ націй.

— Полный разгромъ Франціи, — кричитъ нѣмецкій радіотелеграфъ.

— Врете вы, толстыя гороховыя колбасы, свиныя туши, — солидно отвѣчаетъ Эйфелера башня.

Слушающіе моряки въ восторгѣ.

— Ловко онъ его обложилъ воздушной электрической волной! Такъ его, нѣмца!

Рис. А. Радакова.

ТРУДНАЯ ЗАДАЧА.

Францъ-Иосифъ (цѣпляясь за Вильгельма): — Вилли, Вилли, ради Бога, дѣлай веселое лицо, — на насъ смотри!..

ПЕРЬЯ ИЗЪ ХВОСТА.

„Новое Время“ сдѣлало Вильгельму II царскій подарокъ:

Въ картѣ Восточной Пруссіи, напечатанной 13 августа, газета помѣстила Либаву на берегу Куришь-Гафа, между Кенигсбергомъ и Тильзитомъ. Такимъ образомъ, Либава, по „Нов. Вр.“, перенесена въ Пруссію.

Единственное для Либавы спасеніе, что номеръ „Новаго Времени“ дипломатическимъ документомъ служить не можетъ.

*

Нѣкоторыя одесскія газеты перепечатаваютъ цѣлый рядъ военныхъ карикатуръ „Новаго Сатирикона“ безъ всякаго указанія источника. Даже на полѣ военныхъ дѣйствій за взятое у жителей имущество уплачиваются деньги.

Мы жаждемъ не денежной компенсаціи, а соблюденія самаго элементарнаго газетнаго приличія — указывать источникъ заимствованія.

Вѣдь двѣ буквы въ кавычкахъ газету передъ читателями не скомпрометируютъ, тѣмъ болѣе, что большинство читателей считаетъ инициалы „Н. С.“ Николаемъ Сергѣичемъ или Никодимомъ Семёновымъ.

Ну, что стоитъ, — а?

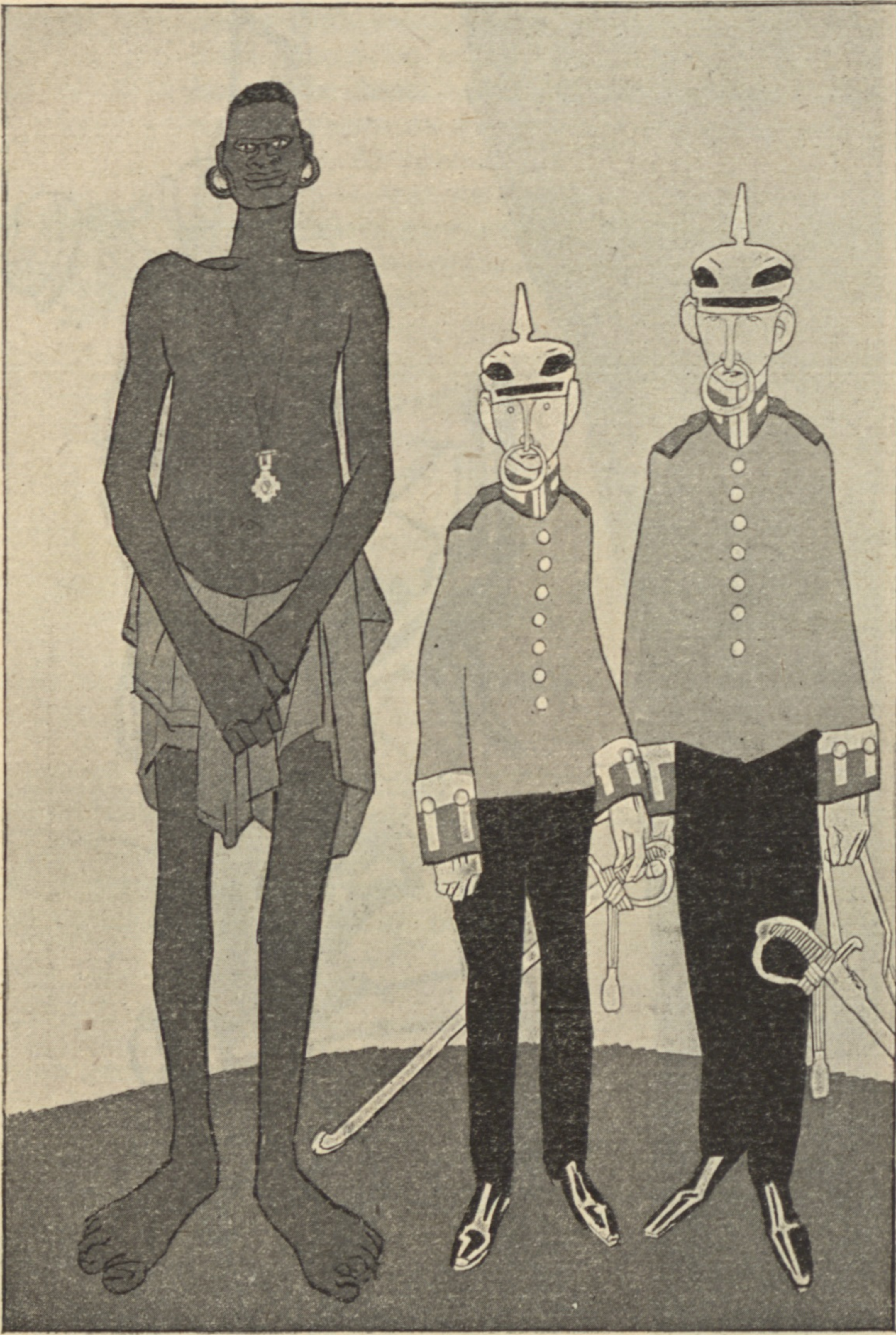
*

„Русск. Знамя“ опредѣленно высказываетъ свои тайныя симпатіи. Дѣло въ томъ, что въ газетахъ появились слухи о желаніи Вильгельма заключить миръ, и печать высказалась противъ заключенія мира до окончательнаго обезсиленія Германіи. Вотъ этого-то „Рус. Знамя“ и не можетъ стерпѣть.

Жидъ, изволите видѣть, обезпокоенъ возможностью прекращенія войны ранѣе, чѣмъ Германія будетъ окончательно сломлена. Онъ находитъ необходимымъ уничтожить ее, какъ оплотъ воинственныхъ началъ и потому настаиваетъ, чтобы это обяза-

ИНОСТРАННЫЙ ЮМОРЪ.

(Нѣмцы о нѣмецкой же жестокости.)

ДИКАРИ ВЪ ЕВРОПѢ.

„Симплиссимусъ“,
рис. Гульбрансона.

Его высочество сомалійскій принцъ награди́лъ прусскихъ принцевъ кольцомъ для ноздри, — за постоянное сохраненіе традицій дикарей въ Европѣ.

тельно сдѣлали русскія войска. Появившіеся газетные слухи о начатомъ, по просьбѣ Вильгельма, посредничествѣ къ прекращенію войны жидовъ неприятно поразили.

Бѣдное „Русское Знамя“!

Это, вѣроятно, будетъ единственное „русское знамя“, отбитое нѣмцами у русскихъ.

И съ Богомъ!..

*

Въ „Нов. Времени“ появилось дурацкое (какъ его иначе назвать?) сообщеніе:

На дняхъ варшавскіе Поляки донесли о похоронной еврейской процессіи. Оказалось, въ гробу вмѣсто покойника Еврея — 1.500 000 руб. золота, которое такимъ образомъ Евреи хотѣли перевезти къ Нѣмцамъ.

А газета „День“, возражая противъ этого вздора, говоритъ вздоръ номеръ второй — что зачѣмъ 1.500.000 рублей класть въ гробъ и устраивать похоронную процессію, когда эту сумму можно пронести незамѣтно въ ручномъ саквояжѣ.

Лебедевъ (Дядя Ваня) съ его чемпионатомъ въ „Аркадіи“ долженъ позавидовать силачамъ изъ „Дня“, поднимающимъ одной рукой 1.500.000 руб. золотомъ.

КЕНИГСБЕРГЪ.

Въ чисто вымытое небо

Чисто вымытыя башни

Упираются надменно,

Какъ Вильгельмовы усы.

Вкругъ форты и укрѣпленья

Посреди смиренныхъ пашень.

Въ переулкахъ неизмѣнный

Запахъ честной колбасы.

Городъ сна и сонныхъ паузъ,

Городъ дѣла и покоя,

Городъ чинныхъ лейтенантовъ

И чувствительныхъ дѣвицъ.

На окнѣ цвѣты левкоя...

Что ни башня — звонъ курантовъ...

Что ни домъ — солидный Haus...

Что ни выступъ — Фрицъ и шпицъ.

Толстый шуцманъ въ мѣдной каскѣ

Смотритъ вдумчиво и тупо

На шумящую Bier-halle

И на бурша съ жирнымъ псомъ.

Фрейленъ Минна строить глазки,

Шевеля богатствомъ крупа.

Подъ узоромъ бѣлой шали

Ходитъ мясо колесомъ.

Сорокъ девять лейтенантовъ,

Начиненныхъ добрымъ пивомъ,

Смачно ржутъ надъ анекдотомъ

Въ переполненномъ кафѣ.

На сіянье аксельбантовъ

Въ упоеньѣ горделивомъ

Филистеръ, покрытый потомъ,

Смотритъ, — крѣпко «подъ шефе!!

Въ отдаленномъ переулкѣ,

Гдѣ и тишь, и сонъ извѣчный,

На доскѣ блестятъ отъ солнца

Буквы: «Здѣсь родился Кантъ».

Рядомъ съ Кантомъ — хлѣбъ и булки,

Шуцманъ — гордый и безпечный, —

У трактирнаго оконца

Полупьяный корпорантъ.

Удивительно и странно, —

Почему тутъ Кантъ родился?!

Угроздило жъ бѣднягу!..

Лучше выискать не могъ?!

Слушай вѣчно — «Ой, Сусанна!».

Слушай «Deutschland, über alles...».

Громъ, призывы и отвагу!..

— Эхъ, «сапогъ»!..

Евг. Вѣнскій.

Почтовый ящик „НОВАГО САТИРИКОНА“.

(Непринятые рукописи не возвращаются по почте, даже при условии присылки марок.)

Редакция не принимает на себя обязательства давать письменные ответы на запросы случайных сотрудников. Рукописи, не востребованные в течение 3-х мѣс., уничтожаются.)

А. Петроградъ.

Шутикову. — Шутиковъ выдвигаетъ очень странную причину его желанія работать въ журналъ. Именно, онъ пишетъ: „работать мнѣ у васъ будетъ легко, потому что я самъ съ усамъ“.

Помимо безграмотности этого образа — количество и расположение волосъ на лицахъ нашихъ сотрудниковъ никогда не являлось рѣшающимъ факторомъ въ дѣлѣ приглашенія ихъ въ составъ редакціи.

Отцѣпитесь, Шутиковъ.

Ул. Жуковскаго — К. Л. О. — „Могу изготовлять военные стихи, а также и такіе, не военные“.

Вы бы лучше бинты для раненыхъ солдатъ изготовляли. Полезнѣе.

Б. Провинція.

Станція Лиски. Автору „Жида“.

Кованный стихъ, мѣткіе образы, звучныя рѣмы.

Знаетъ Янкель — скоро шабашъ,
Нужно „лавочку кончать“,
Вечерь... можно съ дамой Бабашъ
Белендрясы поточать.

И такой поэтъ погибаетъ въ какихъ-то Лискахъ...
Въ столицу его! Въ Берлинъ, напимѣрь.

Одесса. — Беру. — Беръ щегольнулъ афоризмомъ.

„У самой маленькой женской ручки есть большой палецъ“.

У самаго бездарнаго челоуѣка есть рука, которой онъ можетъ написать афоризмъ, адресъ на письмѣ и наклеить марку...

Редакторъ А. Т. Аверченко.

Издатель Т-во „Н. Сатириконъ“.

2-й годъ изданія.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
на еженедѣльный журналъ САТИРЫ и ЮМОРА

2-й годъ изданія.

3 ЦѢННЫХЪ ПРЕМІИ

„НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“

3 ЦѢННЫХЪ ПРЕМІИ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ (безъ доставки) 6 руб. Съ пересылкой и доставкой 6 руб. 50 к., на полгода 3 руб. 25 к., на 3 мѣс. 1 руб. 75 коп., на 1 мѣс. 60 коп.

Адресъ конторы и редакціи: Петроградъ, Невскій, 98. Телефонъ № 59-07.

Вышли въ свѣтъ и поступили въ продажу слѣдующія изданія „НОВАГО САТИРИКОНА“:

АРКАДІЙ АВЕРЧЕНКО

**„О ХОРОШИХЪ,
ВЪ СУЩНОСТИ,
ЛЮДЯХЪ“.**

Книга новыхъ юмористическихъ
рассказовъ.

Цѣна въ обложкѣ работы худ.
РЕ-МИ 1 р. 25 к.

ТЭФФИ.

Книга новыхъ рассказовъ.

**„ДЫМЪ БЕЗЪ
ОГНЯ“.**

Обложка работы художника РЕ-МИ.

Цѣна книги 1 р. 25 к.

**ДМИТРІЙ ЦЕНЗОРЪ.
„ЛЕГЕНДА БУДНЕЙ“.**

ЛИРИКА. Изданіе Аркадія Аверченко.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Часть I. О любви и печали. Часть II. Легенда Будней. Часть III. Раздумье.
Обложка художника Чехонина. Цѣна 1 р. 25 к.

Вышла въ свѣтъ и поступила въ продажу Дешевая библиотека
„НОВАГО САТИРИКОНА“.

№ 13. ТЕФФИ. № 14. Г. ЛАНДАУ. № 15. А. АВЕРЧЕНКО.

Цѣна каждой книжки 10 коп.

**ВЛАДИМИРЪ ВОИНОВЪ.
„СОЛНЕЧНЫЕ РАЗСКАЗЫ“.**

Обложка художника Ре-ми. Цѣна 1 руб. 25 коп.

ЕОМА ОПИСКИНЪ.

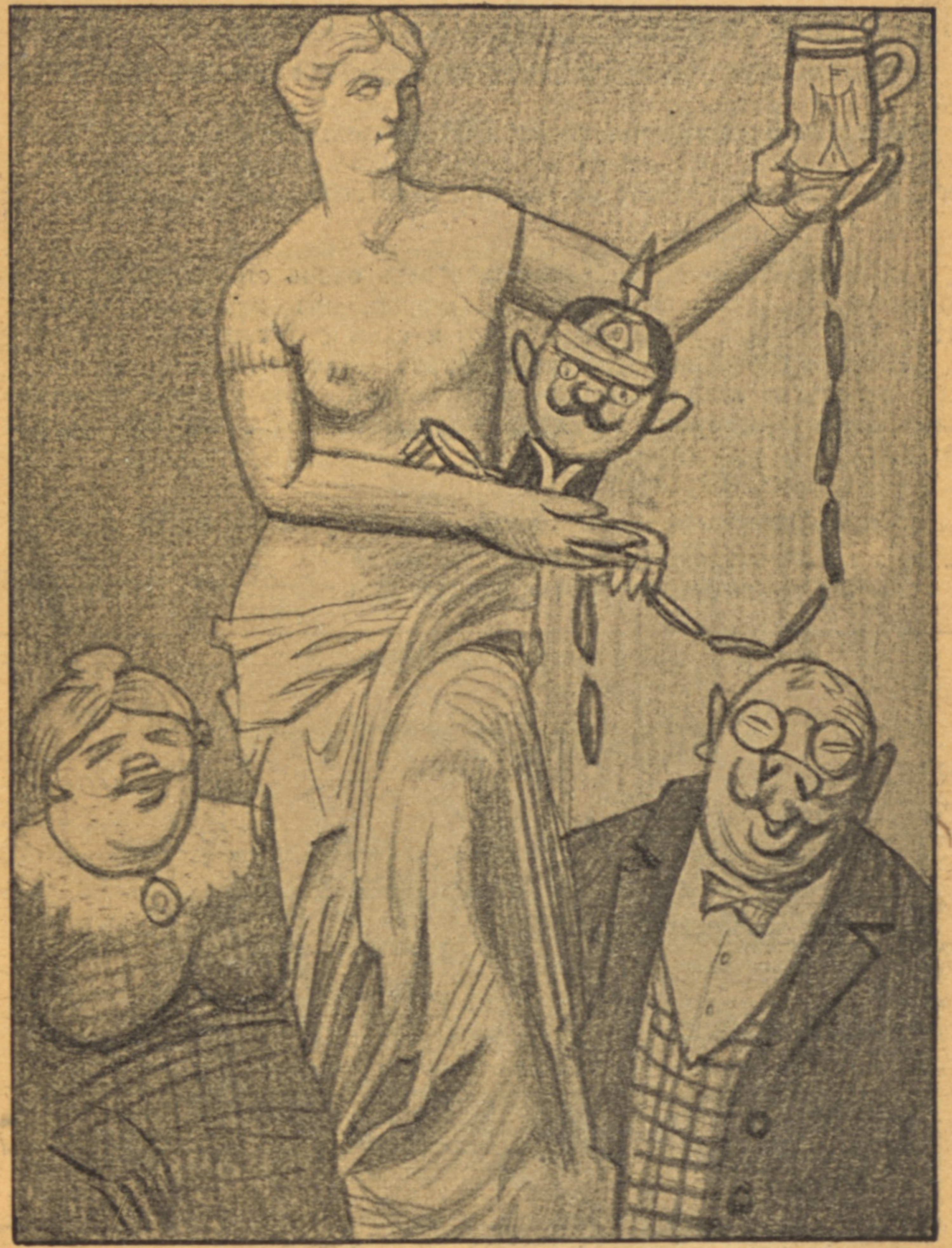
СОРНЫЯ ТРАВЫ.

Большой томъ въ трехъ частяхъ, съ портретомъ автора и предисловіемъ, любезно написаннымъ Аркадіемъ Аверченко.

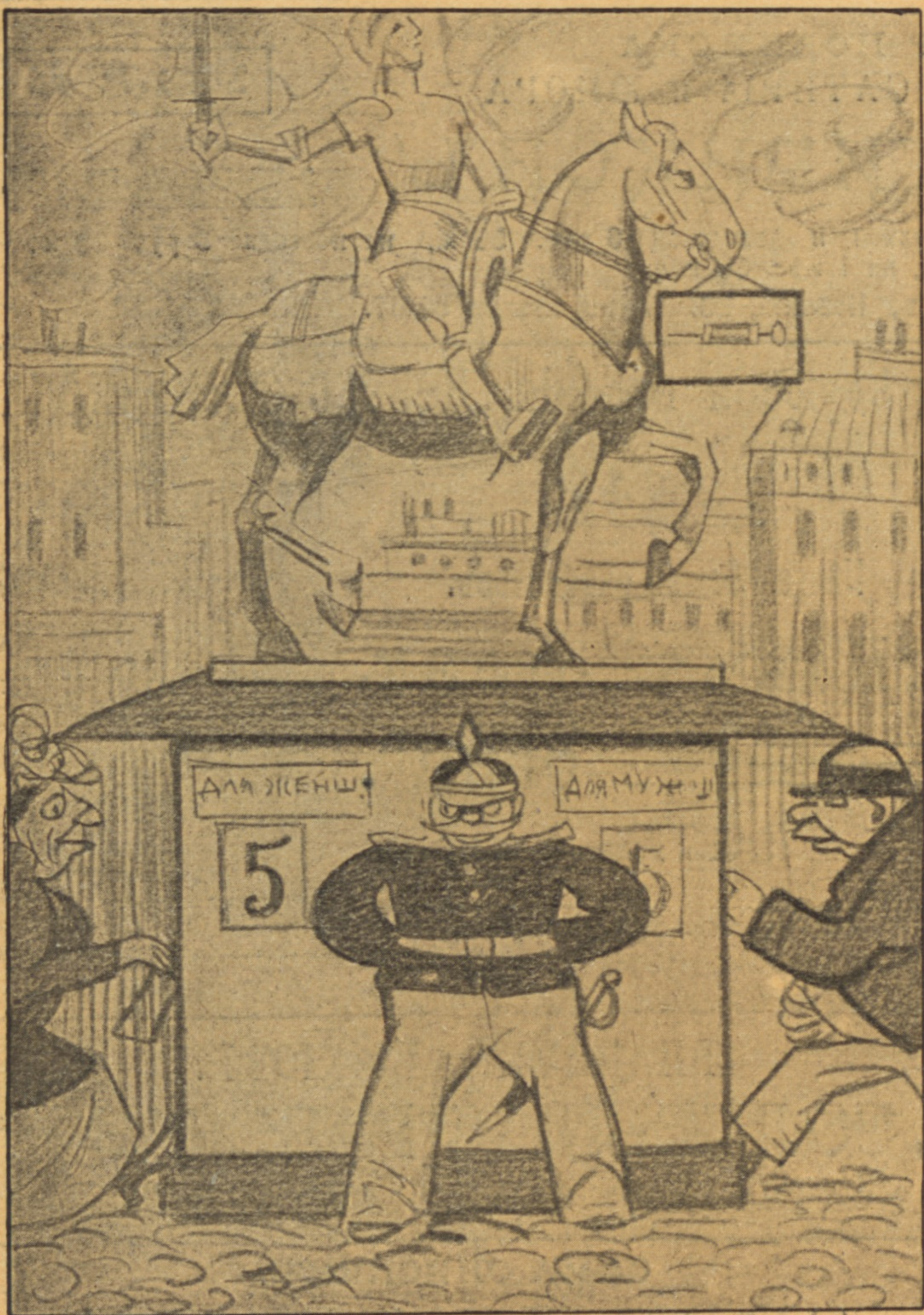
Цѣна книги въ обложкѣ работы Ре-ми — 1 руб. 25 коп.

Знаменитая Джіоконда будетъ измѣнена вотъ такъ — ея лицо украсятъ усы, — точная копія съ усовъ самого Вильгельма II, — сдѣланные изъ хвоста любимой кобылы кайзера. На фонѣ неба изображенъ дирижабль, съ котораго была молодецки брошена бомба въ Соборъ Парижской Богоматери.

Венера Милосская будетъ исправлена подъ руководствомъ самого Вильгельма. Руки ея будутъ отлиты самимъ Крупномъ изъ лучшей стали, сосиски мѣняются каждый день, пиво — тоже. Нѣмцы не привыкли жалѣть денегъ на искусство.

Статуя Жанны Д'Аркъ будетъ тоже нѣсколько исправлена... Нѣмцы привыкли уважать народныхъ героевъ и хотятъ, чтобы у жителей о Жаннѣ Д'Аркъ сохранились самыя хорошія воспоминанія.

Соборъ Парижской Богоматери будетъ передѣланъ въ болѣе благородномъ стилѣ. Пусть его архитектура вѣчно напоминаетъ поработаннымъ французамъ о величій нѣмецкаго генія. вмѣсто колокольнаго звона, парижане будутъ призываться въ церковь пушечной пальбой вдоль улицъ...